

СТРУКТУРА «ЗАТЯЖНЫХ» СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕНОСОВ А.С. ПУШКИНА

Рассматривается структура «затяжных» переносов А.С.Пушкина, выявленных и описанных по методикам автора статьи. Осмысливаются статистические данные по семи параметрам – специфическим и общим для анализа любых переносов – в разных жанрово-родовых группах поэта. В качестве контекста используются результаты исследования традиционных переносов Пушкина. Ключевые слова: Пушкин А.С., поэтика, стихосложение, стихотворный перенос (enjambement), «затяжной перенос», рифмование.

Проблема стихотворного переноса (enjambement – в дальнейшем епј), как известно, в науке поставлена давно, но решалась она отечественными и зарубежными стиховедами на материале, в нашей терминологии, традиционных переносов, структура которых включает две строки – «верхнюю» и «нижнюю» («Был вечер. Небо меркло. Воды / Струились тихо. Жук жужжал.»; «Шла, шла. И вдруг перед собою / С холма господский видит дом <...> [1] (Оба примера из «Евгения Онегина»). Здесь и далее слова в переносе подчеркнуты; слова, с которыми образуется синтаксическая связь, маркированы курсивом). В традиционных (двустрочных) епј интервал между синтаксически связанными словами либо нулевой, как в первом примере, либо равен 1–2 словам, как во втором примере. Однако нам удалось выявить епј, в которых словный интервал увеличен до трех и более слов, а вся структура епј занимает не две строки, а три и более:

Sed alia tempora! Удалость
(Как сон любви, другая шалость)
Проходит с юностью живой.
(«Евгений Онегин»)

<...> Боже, боже! там –
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива –
Забор некрашенный да ива <...>
(«Медный всадник»)

Такие нетрадиционные переносы мы назвали «затяжными» в соответствии со словарным значением слова («продолжительный», «дли-

тельный»). Механизм образования затяжных епј состоит в том, что оставленное слово «верхней» строки (в очень редких случаях речь может идти о слове перенесенном в «нижнюю» строку) ищет синтаксическую связь в «нижней» строке, но встречает на своем пути преграду (в обоих процитированных текстах в качестве преграды выступает вставная конструкция), мешающую установлению искомой связи (в первом примере – предикативной, во втором – обстоятельственной); тогда в поисках этой связи оставленное слово спускается ниже – на третью строку (в первом примере), на четвертую строку (во втором примере) или еще ниже. Опираясь на филологические исследования силы и характера синтаксических связей [2], [3, [4], [5], мы впервые в отечественном и зарубежном стиховедении выдвинули и обосновали концепцию затяжного переноса [6], которая базировалась на исследовании епј русского стихотворного эпоса, в том числе и 4-стопнымбических поэм Пушкина. В настоящей статье затяжные переносы Пушкина являются предметом специального исследования с точки зрения частотности и структуры¹ – в синхроническом и диахроническом аспектах.

Материалом исследования явились:

1) три тома стихотворений поэта с дифференциацией на два периода (1813–1824; 1825–1836); 2) 14 поэм разных размеров с дифференциацией на поэмы ранние («Руслан и Людмила», 1817–1824, «Кавказский пленник», 1820–1821, «Гаврилиада», 1821, «Вадим», 1821–1822, «Братья-разбойники», 1821–1822, «Бахчисарайский фонтан», 1821-1823, «Цыганы», 1824) и поздние («Граф Нулин», 1825, «Полтава»,

¹ Вопрос о функциях затяжных переносов поэта был освещен в докладе, прочитанном 27.09.2013 на IV Международных Измайловских чтениях, посвященных 180-летию приезда А.С.Пушкина в Оренбург, в ОГПУ; текст доклада находится в печати.

1828–1829, «Тазит», 1829–1830, «Домик в Коломне», 1830, «Езерский», 1832, «Анджело», 1833, «Медный всадник», 1833, а также роман в стихах «Евгений Онегин», 1823–1831, с дифференциацией по восьми главам; 3) драма «Борис Годунов», 1825, и «Маленькие трагедии» («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», 1826–1830, «Пир во время чумы», 1830). Общий объем обследованного материала 36872 строки.

В качестве фона привлекаются наши, ранее опубликованные данные по традиционным переносам Пушкина и других русских поэтов [7], [8], [9].

Используя собственную методику выявления переносов (см.: [10: 191–192]), мы обнаружили в поэзии Пушкина 1610 епј, в числе которых – 83 затяжных. Это означает, что частотность всех епј поэта – 4,4%, затяжные составляют 5,1% от общего количества епј. Примечательно, что затяжные переносы выявлены во всех жанрово-родовых группах. Ранее мы полагали, что «затяжные» переносы «ощутимы только в стихотворном эпосе <...>» [6: 213]. И действительно, у Пушкина затяжные превалируют в стихотворном эпосе: на его долю приходится две трети затяжных (41% – в поэмах и 25,3% – в «Евгении Онегине»); в драмах их доля мизерна: два в «Борисе Годунове» («<...> нынче / Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья / И Пушкина слуга пришли с доносом.»; «<...> но слушай: я решилась / С твоей судьбой и бурной и неверной / Соединить судьбу мою; <...>) и один – в «Скупом рыцаре» («<...> Вдова мне отдала, но прежде / С тремя детьми полдня перед окном / Она стояла на коленях воя.»).

Зато показатель затяжных епј в стихотворениях (30,1%) говорит о том, что в лирике этот перенос тоже ощутим. Особо следует отметить, что в группе пушкинских стихотворений есть редкий в русской поэзии строфический затяжной епј: в сонете «Мадонна» он появляется между вторым катреном и первым терцетом: («<...> чтоб на меня с холста, как с облаков, / Пречистая и наш божественный спаситель – // Она с величием, он с разумом в очах - / Взирали, кроткие, во славе и в лучах, / Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.»). Кроме того, впервые выявленные

затяжные переносы в стихотворениях поэта позволяют ставить вопрос о характере связи частотности обычных и затяжных епј. Стало очевидным, что в лирике Пушкина затяжные переносы появляются, как правило, в сопровождении традиционных переносов (см., например, концовку стихотворения «... Вновь я посетил...» с затяжным епј, которому предшествует 14 традиционных епј).² Однако между частотностью традиционных и затяжных переносов нет прямо пропорциональной зависимости, из чего можно сделать вывод по поводу природы затяжного епј как ритмико-синтаксического явления, связанного не с особенностями языка, а с особенностями жанра и стиля произведения. Этот вывод получает дополнительные аргументы при диахроническом рассмотрении статистических данных.

Диахронический анализ частотности затяжных переносов, проведенный в контексте аналогичных данных по традиционным епј, позволяют говорить о сокращении частотности затяжных, но сокращении не абсолютном, а относительном. Так, в стихотворениях Пушкина I периода 10 затяжных, а в стихотворениях II периода – 15, но в I периоде переносы вообще составляли только 1,0%, тогда как во II периоде – 3,2%, т. е. общее число переносов увеличилось в три раза, а число затяжных – только в полтора раза. Следовательно, относительная частотность затяжных епј (доля от всех епј) в стихотворениях I периода – 8,4%, II периода – 5,8%. Похожая картина в поэмах: в ранних поэмах 19 затяжных епј, в поздних – 15. Казалось бы, тенденция к сокращению не столь выразительна. Однако, в ранних поэмах частотность всех переносов 3,1%, а в поздних – 9,5% (увеличилась более, чем в три раза!). Поэтому в ранних поэмах относительная частотность «затяжных» – 11,0%, а в поздних – только 4,8%. Аналогичная картина динамики относительной частотности затяжных епј в восьми главах «Евгения Онегина». Осмысливая полученные данные во всех жанрово-родовых группах, можно достаточно уверенно высказать предположение, что тенденция роста общего числа епј и сокращения числа затяжных епј у Пушкина связана с влиянием драматического стиха «Бориса Годунова» (1825), а позднее – стиха «маленьких трагедий» (1830) – с высокими показателями

² Без сопровождения традиционных переносов одиночные затяжные епј функционируют в шести стихотворениях поэта («Всеволожскому», «Муза», «Кокетке», «Зимняя дорога», «Есть роза дивная: она...», «Когда за городом, задумчив, я брожу...»).

телями частотности традиционных епј и практическим отсутствием затяжных.³ Эта установленная связь соотносится со сделанным ранее выводом (см. [7], [8]) о значительной роли драматического стиха в формировании переносного стиля русской поэзии.

Анализ структуры затяжных переносов Пушкина предварим указанием на метрические формы, в которых может появиться этот епј. В поэзии Пушкина затяжные переносы встречаются в шести размерах. Большая их часть (77,2%) – в произведениях, написанных 4-стопным ямбом. Этот результат предсказуем, поскольку 4-стопный ямбу поэта – самый популярный размер, на долю которого приходится 42,3% произведений, 52,1% строк [11: 171]. В стихотворном эпосе 4-стопный ямб – единственный размер, где возникают затяжные переносы (их нет ни в 5-стопном ямбе «Домика в Коломне», ни в 6-стопном «Анджело»). Это не означает, что в «длинных» ямбах не могут появляться затяжные епј. Помимо отмеченных затяжных в 5-стопном ямбических драмах, этот размер функционирует в трех стихотворениях с затяжными епј («Из Alfieri», «Он между нами жил...», «...Вновь я посетил...»), за счет чего выходит на первое место среди «нелидеров» (7,2%). За 5-стопным следует 6-стопный ямб (6,0%) («Муза», «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...», «Мадонна», «К^{xxx}», «Когда за городом, задумчив, я брожу...»). В группе стихотворений затяжные епј появляются также в 4-стопном хорее («Зимняя дорога», «Воевода») и в коротких размерах: 3-стопном ямбе («Городок», «Послание к Галичу») и 2-стопном дактиле («Измена»).

Структура затяжных переносов описывалась по семи параметрам. Первые два связаны с главными признаками затяжного переноса: величина словного интервала и количество стихотворных строк в структуре переноса. Пять остальных параметров повторяют параметры, по которым мы описывали традиционные епј [12: 173]: соотношение типов rejet (r): contre-rejet (c-r): double-rejet (d-r); характер клаузулы в верхней строке (соотношение мужских и женских клаузул; дактилические в пушкинских переносах отсутствуют); доля мужских, женских, дактилических словоразделов в нижней строке

(в типах r, d-r); набор и пропорции синтаксических связей с опорой на иерархию силы синтаксических связей, разработанную М.Л.Гаспаровым и Т.В.Скулачевой [2]; рифма в затяжном переносе.

Итак, сначала рассмотрим два принципиально важных для статуса затяжного переноса параметра – величину интервала между синтаксически связанными, но разорванными концом строки словами (в метрических словах) и величину всей конструкции затяжного переноса (в строках). Самая большая доля затяжных епј (28,9%, т.е почти треть) имеет 3-словный интервал («Глушь и снег ... Навстречу мне / Только версты полосаты / Попадают одне» – «Зимняя дорога»); на втором месте (21,7%) переносы с 5-словным интервалом («И слышно было, что Рогдая / Тех вод русалка молодая / На хладны перси приняла <...>» – «Руслан и Людмила»); на третьем месте (19,5%) – переносы с 4-словным интервалом («Но нет! сегодня поутру / Вы вдруг в трагическом жару / Седую воскресили древность <...>» – «Кокетке»). Интервалы 6–7–8-словные имеют показатели (соответственно) 10,8; 2,4; 4,8. Экзотически выглядят затяжной епј с 10-словным интервалом в «Евгении Онегине»

Весна живит его: впервые
Свои покои запертые,
Где зимовал он, как сурок,
Двойные окна, камелек
Он ясным утром оставляет.

и с 14-словным – в «Полтаве»:

<.....> Лишь порою
Слепой украинский певец,
Когда в селе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.

Таким образом, типичный словный интервал пушкинских затяжных епј – 3 – 5 слов, на долю которых приходится около 70% всех случаев. Средняя величина словного интервала – 4,4 слова. Больше среднего (4,7) – в поэмах, меньше среднего – в стихотворениях (4,2)

³ В «Борисе Годунове» среди 150 переносов (общая частотность – 9,6%) два отмеченных выше затяжных епј; в «маленьких трагедиях» среди 269 переносов (общая частотность – 20,4%) – один затяжной епј.

и в «Евгении Онегине» (4,1). Если с доверием относиться к исследованиям М.С.Лобановой, утверждавшей, что произведения лироэпических жанров отличаются большим (в сравнении с лирикой) размером предложений⁴, то величина словного интервала в затяжных переносах может быть одним из показателей соотношения лирического и эпического начала в произведении.

Диахронический взгляд на статистические данные обнаруживает заметную динамику словного интервала в группе поэм. В ранних поэмах лидировали епј с 3-словным интервалом (36,8%); в поздних поэмах доля таких епј сокращается почти в три раза – до 13,3%, а лидируют затяжные переносы с 5-словным интервалом – 33,3%, что отражается на средних величинах (4,2 – в ранних поэмах и 5,2 – в поздних).

С точки зрения второго признака затяжного переноса – увеличения всей конструкции епј – в пушкинских затяжных переносах картина следующая. Подавляющее большинство епј (81,9) включают три строки. Отклонения от этой нормы незначительные: больше нормы (88,0%) – в стихотворениях, меньше (76,5%) – в поэмах (уменьшение за счет поздних поэм). Переносы с четырьмя строками относительно редки (15,7%); еще более разросшиеся – единичны. Средняя величина размера пушкинских затяжных епј – 3,2 строки.

Сопоставление статистических данных по двум характеристикам затяжного переноса показывает их взаимосвязь. Так, увеличение словного интервала способствуют увеличению всей структуры епј: 7–8-словные интервалы приводят к возникновению 4-строчных переносов («Послание к Юдину», «Мадонна», «...Вновь я посетил...»); 10-словный интервал в «Евгении Онегине» дает разрастание епј до 5 строк, а 14-словный в «Полтаве» создает самый растянутый в поэзии Пушкина⁵ затяжной перенос в 6 строк (см. приведенные выше тексты).

Одновременно сопоставление результатов статистического анализа пушкинских епј по двум параметрам позволяет подтвердить ранее высказанную гипотезу о том, что из двух константных признаков затяжного епј для его статуса бо-

лее значимым оказывается признак разрастания конструкции епј до трех и более строк: увеличенный словный интервал занимает почетное второе место. Аргументы следующие. В 2-строчных, традиционных епј, функционирующих в длинных размерах (5- и 6-стопном ямбах), при инверсиях могут возникать большие интервалы – 3-словные (<...> Изабелла / Душой о грешнике, как ангел, пожалела» – «Анджело») – 4-словные (<...> Но только что лучи / Луна с небес в окно его пустила <...> – «Монах»), которые произносятся без дополнительных пауз и не создают эффекта затяжного переноса. И наоборот, среди пушкинских 3-строчных затяжных разных жанрово-родовых групп выявлено семь епј со словным интервалом в два слова: «Есть роза дивная: она / Пред изумленной Киферой / Цветет, румяна и пышна <...>» («Есть роза дивная ...»); «<...> Его схватил и к голове / По окровавленной траве / Бежит с намереньем жестоким <...>» («Руслан и Людмила»); «... Словно горы, / Из возмущенной глубины / Вставали волны там и злились.» («Медный всадник»). Об отличии этого вида затяжных переносов от обычных свидетельствует возможность образовать традиционный (двустрочный) перенос в структуре затяжного: «... Но помнится, тогда со скуки, / Как арлекина, из огня / Ты вызвал, наконец, меня» («Сцена из Фауста»). Затяжной епј занимает три строки, синтаксическая связь (со скуки ... вызвал) дистантная, со словным интервалом в два слова. Обычный (традиционный) перенос (из огня ... вызвал) занимает две строки.

Анализ структуры затяжных епј по общим для всех епј параметрам начнем с типов переносов. Среди затяжных епј Пушкина присутствуют все традиционно выделяемые типы. Соотношение его г: с-г: d-г равно 2,4:77,1:20,5, т. е. три четверти затяжных епј – это тип с-г: «Он подал руку ей. Печально / (Как говорится, машинально) / Татьяна молча оперлась <...>» («Евгений Онегин»). Оставшаяся четверть приходится преимущественно на тип d-г: «<...> Из шатра, / Толпой любимцев окруженный, / Выходит Петр. <...>» («Полтава»). К типу г можно отнести всего два затяжных епј – в «Бахчисарайском фонтане» («Но почему, какой судь-

⁴ Подробнее об этом в [6:213].

⁵ Более, чем у Пушкина, растянут затяжной перенос у Лермонтова в поэме «Мцыри» – 7 строк, 15 слов («<...> Лишь змея / Сухим бурьяном шелестя, / Сверкая желтою спиной, / Как будто надписью златой / Покрытый донизу клинок, / Бразды рассыпчатый песок, / Скользила бережно; <...>»).

бой / Я край оставила родной, / Не знаю; <...>» и в «Полтаве» («Не он ли наущеньям хана / И царедворского салтана / Был глух? <...>»). Дифференциация статистических данных по жанрово-родовым группам показывает, что тип с-г преобладает во всех без исключения группах. Превышает среднюю долю с-г аналогичный показатель в ранних поэмах (около 90%), первых главах «Евгения Онегина» (все 100%) и шестой главе романа (85,7). Значительно меньше с-г только в поздней лирике (60,0) и в поздних поэмах (73,3).

Если сопоставить суммарные данные по трем типам затяжных в стихотворениях (0,0: 76,0: 24,0) с аналогичными данными по традиционным переносам (7,0: 61,6: 31,4), то можно заключить, что затяжные епј, с одной стороны, отражают общие тенденции в образовании пушкинской модели переносов (преобладание с-г, минимальная доля типа г), с другой стороны, затяжные епј явно предпочитают хорошо разработанные ритмико-синтаксические модели и тем самым очерченные общие тенденции в образовании моделей епј заметно усиливают.

Верхняя строка затяжного переноса во всех его типах может иметь, как и в обычном (двустрочном) переносе, мужскую (м) или женскую (ж) клаузулу (дактилические в пушкинских епј отсутствуют). Во всех затяжных епј соотношение м: ж равно 62,7: 37,3. Поскольку затяжные переносы типа г практически отсутствуют, можно утверждать, что оставленная часть епј имеет очевидную тенденцию маркироваться мужской клаузулой: у Пушкина перенос типа «<...> Но как же любо мне / Осеннею порой, в вечерней тишине, / В деревне посещать кладбище родовое <...>» («Когда за городом, задумчив, я брожу...») предпочтительнее переноса типа «Смотри: тебе в награду / наш Дельвиг, наш поэт, / Несет свою балладу <...>» («Послание к Галичу»). Отмеченная тенденция особенно заметна в группах стихотворений и ранних поэм, где м занимают (соответственно) 72,0 и 73,7%, и не распространяется на клаузулы немногих d-г поздних поэм и поздних стихотворений, где более предпочтительной оказывается женская маркировка: «<...> Ах! так ли я успею / Из глубины сердечной милый образ / Искоренить? <...>» («Из Alfieri»).

В нижней строке пушкинских затяжных переносов типов г и d-г обнаружены словоразделы трех видов: мужские («Примчались. Он слуге велит / Лепажа стволы роковые / Нести за ним <...>»), женские («<...> Трике, / К ней обратясь с листком в руке, / Запел, фальшивя. <...>»), дактилические («<...> За ним / Довольно мы путем одним / Бродили по свету. <...>» – все три примера из «Евгения Онегина»). Дактилических словоразделов у Пушкина всего три. К процитированному случаю из восьмой главы «Евгения Онегина» добавляется затяжной перенос в «Графе Нулине» («<...> к несчастью / Наталья Павловна совсем / Своей хозяйственной частью / Не занималась, <...>») и в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...», 1829 («Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю / Слугу⁶, несущего мне утром чашку чаю, / Вопросы: <...>»). Нам уже приходилось писать о том, что в традиционных переносах дактилические словоразделы появляются под влиянием драматического стиха «Бориса Годунова» [7: 75]. Хронология перечисленных фактов говорит о том, что и в случаях с затяжными епј просматривается то же влияние.

Мужские и женские словоразделы пушкинских затяжных епј в среднем составляют равновесие (те и другие по 42,1%), но равновесие это подвижное: в поэмах больше (66,7%) мужских словоразделов, в стихотворениях и в «Евгении Онегине» – больше женских (66,7%). Пушкин явно меняет манеру стиха, предотвращая образование канона.

Среди синтаксических связей в затяжных переносах Пушкина лидируют (45,8%) связи обстоятельственные (Об): «Она внимала мне с улыбкой, и слегка / По звонким скважинам пустого тростника / Уже наигрывал я слабыми перстами <...>» («Муза»). Второе место (24,1%) занимают связи предикативные (Пр): <...> он, / Не бранной смертью окружен, / Нахмурясь ходит меж одрами <...>» («Герой»). Третье место (14,4%) принадлежит дополнительным связям, с дополнением косвенным (Дк): «Наш мирный гость нам стал врагом – и ядом / Стихи свои, в угоду черни буйной, / Он напояет. <...>» («Он между нами жил...»). Четвертое место (7,2%) отвоевывают сверхсильные связи (Св), представляющие у Пушкина, как правило, связь

⁶ «Я встречаю / Слугу» – традиционный перенос в структуре затяжного переноса «Я встречаю ... вопросами».

частей глагольного сказуемого: «Затем, что не всегда же мог / Beef-steaks и страсбургский пирог / Шампанской обливать бутылкой <...>» («Евгений Онегин»). Пятое место (3,6%) принадлежит слабым связям (От), при обособленных оборотах: «<...> Словно горы, / Из возмущенной глубины / Вставали волны там и злились» («Медный всадник»). Шестое место приходится на связи с однородными членами (Од): «<...> Он сел | И в думе скорбными очами / На злое бедствие глядел. («Медный всадник»). И, наконец, седьмое место достается единственному случаю определительной связи (Оп): «Но вспомни, милый: здесь одна, / Тебя всечасно ожидая, / Вдыхает пленница младая.» («Всеволожскому»). Рассмотрение представленных результатов в контексте аналогичных результатов в пушкинских традиционных переносах показывает, что лидирующие связи (Об, Пр, Дк) оказываются постоянными, меняются только их пропорции, в частности, в затяжных выше доля Об, т. е. повторяется уже отмеченная на других уровнях закономерность: затяжные переносы используют самые привычные, хорошо разработанные, ритмико-синтаксические ходы. Всей широты палитры синтаксических связей затяжные епј не используют, среди сильных связей отсутствуют связи дополнительные, с прямым дополнением, среди слабых – подчинительные и сочинительные.

Диахронический взгляд на материал показывает, что в раннем творчестве (в стихотворениях I периода, ранних поэмах, первых главах романа) в затяжных епј были главным образом только три синтаксические связи – Об, Пр, Дк, остальные осваивались поэтом постепенно.

В заключение рассмотрения структуры затяжного переноса отметим характер взаимодействия епј и рифмы, точнее рифмования.⁷ Среди 83 пушкинских затяжных переносов 77 имеют в своей структуре рифму.⁸ На данном этапе исследования мы учитываем участие рифмы только «верхней» строки и выясняем, каким членом рифмопары (первым или вторым) является «верхняя» строка в структуре затяжного переноса. Анализ показал, что 77,9% переносов, т. е. четыре пятых всего корпуса выявленных затяжных епј, представляют структуру, в которой конец верх-

ней строки выступает в качестве первого члена рифмопары: «<...> Тогда / Плодами своего труда / Я забавлялся одинокий <...>» («Сцена из Фауста») и только одна пятая переносов представляет структуру, в которой конец верхней строки выступает в качестве второго члена рифмопары: «Луною чуть озарена, / С улыбкой жалости отрадной / Колена преклонив, она / К его устам кумыс прохладный / подносит тихою рукой («Кавказский пленник»). В первом случае рифменное ожидание совпадает с синтаксическим ожиданием и как бы усиливает его. Во втором случае конец верхней строки озвучивает заданную выше рифму и как бы тянется к ней: рифменное ожидание не совпадает с синтаксическим, и это несовпадение создает особое напряжение затяжного епј. Очевидно, оба варианта имеют художественный эффект, но Пушкин, как свидетельствует статистика, предпочитает создавать в своих затяжных переносах однонаправленное ожидание. Диахронический срез анализа показывает, что число случаев разнонаправленного движения «синтаксиса и рифмы» у поэта с годами увеличивается (в поздних поэмах, поздних главах «Онегина», особенно в шестой главе), что может быть показателем увеличения его синтаксической свободы.

Подводя итоги исследования структуры затяжных переносов Пушкина, проведенного в синхроническом и диахроническом аспектах и в контексте его традиционных переносов, можно сделать выводы, касающиеся как поэтики великого поэта и стихотворца, так и самой природы затяжного переноса.

Затяжной перенос, являясь модификацией традиционного (2-строного) переноса, отражает многие его особенности, но в то же время он является специфической многоступенчатой структурой, ритмико-интонационное богатство которой открыло для Пушкина-стихотворца большие возможности решения многих художественных задач механизмами стиха.

Исследование пушкинских затяжных переносов дает основание считать, что главным их признаком является выход за пределы двух строк. Частотность и структура затяжных переносов определяется не языковыми, а эстетическими факторами.

6.10.2013

⁷ Этот вопрос применительно к традиционным переносам уже рассматривался нами на материале «Евгения Онегина» [13]; применительно к затяжным переносам вопрос ставится и решается впервые.

⁸ Рифму не имеют три затяжных епј в драмах и три – в стихотворениях («Из Alfieri», «Он между нами жил...», «Вновь я посетил...»)

Список литературы:

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. / Изд.3-е. Т.5. – М.: Изд. АН СССР, 1964. – С.146. Далее текст цитируется по этому изданию.
2. Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. М.: 2004. – С. 182-190.
3. Винокур Г.О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика. М., 1990. – С.171 и др.
4. Ковтунова И.И. Порядок слов в стихе и прозе // Синтаксис и стилистика. – М., 1976. – С. 58-63.
5. Атаян Э.Р. Предмет и основные понятия структурального синтаксиса. Ереван, 1986. – С. 263 и др.
6. Матяш С.А. «Затяжной» перенос в русском стихотворном эпосе. // Славянский стих VII: лингвистика и структура стиха. – М., 2004. – С. 206-220.
7. Матяш С.А. Переносы (enjambements) романа Пушкина «Евгений Онегин» в контексте эпического и драматического стиха // Формальные методы в лингвистической поэтике: сб. науч. трудов, посвященный 60-летию проф. СПбГУ М.А.Красноперовой. – СПб., 2001. – С. 68-81.
8. Матяш С.А. Переносы (enjambements) в лирике А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова // Вестник Оренбургского государственного университета, 2006, №11. – С. 57-63.
9. Матяш С.А. Стихотворные переносы (enjambements) в маленьких трагедиях Пушкина // Вестник Оренбургского государственного университета, 2009, №11. – С. 8-13.
10. Матяш С.А. Стихотворный перенос: к проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса // Русский стих: в честь 60-летия М.Л.Гаспарова. – М., 1996. – С. 189-202.
11. Лотман М.Ю., Шахвердов С.А. Метрика и строфика А.С.Пушкина // Русское стихосложение XIXв. – М., 1979. – С.145-257.
12. Матяш С.А. К истории и типологии стихотворного переноса // Славянский стих: лингвистическая и прикладная поэтика. – М., 2001. – С. 172-186.
13. Матяш С.А. Стихотворный перенос (enjambement) и рифма в романе Пушкина «Евгений Онегин» // Формальные методы в лингвистической поэтике II: сб. науч. трудов, посвященный 65-летию проф. СПбГУ М.А.Красноперовой. – СПб., 2007. – С. 176-187

Сведения об авторе:

Матяш Светлана Алексеевна, профессор кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка факультета филологии Оренбургского государственного университета, доктор филологических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru

UDC 882-1

Matyash S.A.

Orenburg state university, e-mail: rusfil@mail.osu.ru

THE STRUCTURE OF A. PUSHKIN'S DELAYED ("TORQUE") ENJAMBEMENTS

The structure of A. Pushkin's delayed ("torque") enjambements, identified and described using methods of the article's author, is analysed. Statistic data organized by means of seven aspects – both specific and general for analysis of any enjambements – is interpreted in terms of poet's various genre groups. As context serve the results of analysis of Pushkin's traditional enjambements.

Key words: A. Pushkin, poetics, versification, enjambement, delayed ("torque") enjambement, rhyming.

Bibliography:

1. Pushkin A. S. All works in 10 vol. Vol 5. – Moscow 1964, P. 146. The text has been quoting based on this publishing.
2. Gasparov M. L., Skulacheva T.V. Studies about linguistics of verse. Moscow 2004. P. 182-190.
3. Vinokur G.O. Philology studies: linguistics and poetics. Moscow, 1990. – P.171 and other.
4. Kovtunova I.I. Word order in poetry and prose. // Sintacsis and stylistics. Moscow 1976. – P. 58-63.
5. Atayan E. R. Subject and basic terms of structural syntacsys. Erevan, 1986. – P. 263 and other.
6. Matyash S. A. „Long” enjambements in Russian verse epics. // Slavic verse VII Linguistics and verse structure. – Moscow., 2004. – P. 206-220.
7. Matyash S.A. Enjambements of “Evgeny Onegin” novel of A. Pushkin in the context of epic and drama verse. // Formal methods in linguistics poetry: book of studies dedicated to 60th anniversary of professor M.A. Krasnoperova. S-Petersburg, 2001. – P. 68-81.
8. Matyash S.A. Enjambements in lirics of A.S. Pushkin and M.J. Lermontov // Vestnik of Orenburg's State University 2006, №11. – P. 57-63.
9. Matyash S.A. Enjambements in Little Tragedies of A.S. Pushkin // Vestnik of Orenburg's State University 2009, №11. – P. 8-13.
10. Matyash S.A. Enjambements: about interaction of rhythm and sintaxis. // Russian verse: in honor of 90th anniversary of M.L. Gasparov. – Moscow, 1996. – P. 189-202.
11. Lotman M.J. Shakhverdov S.A. Metrics and strophics of of A.S. Pushikn's poetry // Russian verse of 19th century, Moscow, 1979. – P.145-257.
12. Matyash S.A. About history and typology of verse enjambements // Slavic verse: linguistics and practical poetics.– Moscow, 2001. – P. 172-186.
13. Matyash S.A. Enjambement and rhyme of “Evgeny Onegin” novel // Formal methods in linguistics poetry II: book of studies dedicated to 65th anniversary of professor M.A. Krasnoperova. S-Petersburg, 2007. – P. 176-187.